

ЭЛЕГИЯ А. С. ПУШКИНА «ПОГАСЛО ДНЕВНОЕ СВЕТИЛО»

(Стилистический анализ)

Э. В. ПОПОВА

Мы привыкли воспринимать мир в моральной атмосфере произведений Пушкина, той особенной моральной атмосфере, которая сделала русскую литературу национальной гордостью, гордостью мировой, общечеловеческой культуры. Пушкин завещал русской литературе беспредельную человечность, веру в человека, внимание к внутреннему миру человека своего времени, в его противоречиях, поисках, поражениях и победах. Пушкин, поэт своего народа, сам был лучшим из лучших его представителей, человеком, который бесконечно любил жизнь и был воплощением живой жизни. Для него жизнь была творчеством, а творчество это и самопроверка, и исследование, постоянное движение к новому и все более глубокому пониманию действительности. Лирика Пушкина, как и творчество в целом, вся в процессе, в движении: изменяется характер лирического героя, его отношение к миру, меняется выбор темы, особенности жанра, стилистическое оформление.

Элегию «Погасло дневное светило» и стихотворение «К морю» обычно рассматривают как первое и как последнее лирические стихотворения Пушкина-романтика. Их создание связано с личными впечатлениями поэта. В 1820 году, в течение трех месяцев, Пушкин путешествовал по Кавказу и Крыму вместе с Раевскими. Воспоминания об этих днях поэт сохранил в памяти как самое дорогое и радостное. Много позднее несколько раз возвращался он к ним и в лирике, и в романе «Евгений Онегин». А в письмах к брату, в «Отрывке из письма к Д», он говорит об этих днях с особенной, взволнованной нежностью, открытым восторгом.

Элегия «Погасло дневное светило» создана в Гурзуфе. Очевидно, Пушкин задумал ее, переправляясь морем из Феодосии в Гурзуф, ночью с 18 на 19 августа 1820 года. Об этом он сообщал в письме брату, отправляя ему элегию для издания в журнале Греча.

«В лирических произведениях, — говорит Белинский, — выражены более общие, более сознательные факты своей жизни, различные созерцания, воззрения, сближения, мысли...¹ Такие «более общие, более сознательные факты своей жизни» стали содержанием и элегии «Погасло дневное светило». Обращаясь к морю, поэт больше всего говорил и думал о человеке, о себе и своем современнике. Иногда нужно говорить только о море, чтобы сказать все о человеке.

Лирический герой этой элегии, отмечает Б. В. Томашевский, ищет новый путь, он на распутье. Стихотворение открывает читателю, почему и как лирический герой отказывается от прошлого, к чему стремится. Содержание определило и стиливые особенности произведения.

В первых двух стихах особый строй мысли и особая интонация, слова просветленные, сказанные словно в забытьи, в состоянии уравновешенности:

Погасло дневное светило,
На море синее вечерний пал туман...

Дневное светило — нечто более величественное и огромное, чем солнце. Нужно сказать, что погасло светило, источник света, света, который был днем — дневное, — когда все яснее, отчетливее, понятнее, — поэтому значительным и необходимым стал перифраз, совсем не новый, традиционный.

Определено время: это не день уже, но и не ночь еще (туман вечерний), вечерние сумерки, «час размышления», когда человеком может овладеть особенное состояние, когда всерьез и строго он оглядывается на свое «вчера», итожит и оценивает пройденное. Авторский голос входит неторопливо и повелительно:

Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан...

Повелительное шуми повторяется здесь с настойчивой, уверенной интонацией. В эту минуту несомненная уверенность в себе, нет еще несогласия с собой. И океан, пусть он угрюмый, мрачный, неведомый и таинственный, воспринят как нечто само собой разумеющееся. Стихия и человек наравне, общее состояние равновесия, и смысловое, и интонационное.

Но забвения нет, само раздумье, овладевшее человеком, мешает забыться:

Я вижу берег отдаленный,
Земли полуденной волшебные края,
С волненьем и тоской туда стремлюся я...

¹ Белинский В. Г., Собр. соч. в 3 тт., М, 1948, т. II, стр. 48.

И затем в отдельную строку поставлены два слова, которые звучат длительно и раскованно, свободно:

Вос-по-ми-на-ньем у-по-ен-ный...

Как будто важнее всего продлить упоение воспоминанием. Все дело в воспоминании, значением своим оно организует здесь и строки, и слова. «Земли полуденной волшебные края» чабуют, пленяют красотой своей, но колдовская, волшебная, притягивающая сила есть в них потому, что там — воспоминание. Волненье, тоска, стремлюсь — обязательны, необходимы здесь, это слова, неотделимые от воспоминания, в них один и тот же эмоциональный мир для поэта. Воспоминание отодвинуло все внешнее, сознанием неотвратимо и сильно завладели противоречивые душевные движения:

И чувствую: в очах родились слезы вновь,
Душа кипит и замирает,
Мечта знакомая вокруг меня летает...

То возбуждение, взволнованность, бурная, быстрая смена ощущений — душа кипит, то мгновенная неподвижность — замирает. Здесь же и слезы, и мечта, которые, как заметил Б. В. Томашевский, у Пушкина всегда равны вдохновению, тому обостренному восприятию мира, напряжению чувств, которое выводит человека, осмысляет все вокруг, когда труд становится творчеством. Но в элегии 1820 года это прежде всего воспоминание, когда прошедшее возродилось в сознании заново: и слезы в н о в ь, и мечта з н а к о м а я. И слезы, и мечта соотнесены только с воспоминанием о чувстве, обращено к своему внутреннему миру, сложному и общечеловечески значимому — и все же к себе в первую очередь:

Я вспомнил прежних лет безумную любовь,
И все, чем я страдал, и все, что сердцу мило.
Желаний и надежд томительный обман ...

Они не противопоставлены, они вместе, в одном: и в том, что было безумной любовью, и в желаниях и надеждах соединились страдание и милое сердцу. Противоположные внешне, они объединены строкой, перед и после которой единые по мысли речевые такты:

... Я вспомнил прежних лет безумную любовь ...
... Желаний и надежд томительный обман ...

Соседство их разрушило границу противоположности: то, что было страданием, стало милым сердцу. Так познается тот полный аккорд чувств в лирике Пушкина, о котором говорил Белинский. И тем свободнее переход от страдания к милым

сердцу событиям, что страдал не от чего-то, а чем-то. Так близки и равны они, человек и его горе, и главное не виновен никто, кроме себя самого. И обман томительный, в нем ожидание, медленное ожидание, от которого усталость только. Может быть, не так понятна была бы эта длительность и усталость, если бы не выразительная сила аллитерации:

... и все, что сердцу мило,
Мечгаий и надежд томительный обман...
Шуми, шуми...

Здесь все на диссонансе, противоречиво, нет смысловой завершенности. Только две следующие строки рефрена заключили строфу ритмически (мужской рифмой):

Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан...

Но они-то и все меняют, вступают стремительно, прерывая нить воспоминаний, и — исчезла спокойная уравновешенность начала, повеление смягчилось, оно торопливее, чтобы не было возможности отступить, вернуться. Успокаивающий и величественный ритм этих строк теперь контрастен мятущемуся сознанию лирического героя. Сейчас они еще важнее, их повеление стало ключом к последующему, определило стилистику следующих стихов. За повелением-просьбой к ветрилу и океану сразу «приказ» кораблю, очень созвучный словам: «шуми», «волнуйся»:

Лети корабль, неси меня к пределам дальним,
По грозной прихоти обманчивых морей,
Но только не к брегам печальным
Туманной родины моей...

При этом уверенная, решительная маршевая четкость первой строки задает тон всем последующим. Уже не внутреннее созерцание, не упоение противоречивыми воспоминаниями, а решительная перемена в настроении: нужно все измерить, оценить до конца. Нужна решимость, чтобы поверить «грозной прихоти обманчивых морей». Моря тоже обманчивы, но они изменяются, а не изменяют, у них все прихоть, случайное. А там, «на берегах печальных», все было иначе. И потому решение бежать от родины,

... Страны, где пламенем страстей
Впервые чувства разгорались,
Где музы нежные мне тайно улыбались,
Где рано в бурях отцвела
Моя потерянная младость,
Где легкокрылая мне изменила радость
И сердце хладное страданью предала...

Все было впервые, доверчиво и чисто: испытание чувств, радость творчества. В стихах еще живая, трепетная и нежная привязанность ко всему, что было впервые. Пусть это преувеличение — говорить о «потерянной младости» и «хладном сердце» — это излюбленные фразы юности. Но сейчас такая преувеличенность нужна, сейчас важнее всего высочайшая степень строгости к прошедшему. Отсюда торопливые перечисления с четырехкратным где, с отчетливым сознанием, что нельзя вернуть утраченное. Здесь важнее всего синонимически близкие слова, они окрашивают фразу:

... рано отцвела
... моя потерянная младость
... мне изменила радость
... сердце хладное страданью предала.

Не может быть случайным совпадение значений: и з м е н и л а и п р е д а л а поставлены параллельно, почти рядом. И потому так отчетливо отношение к былому, экспрессия даже в сочетании звуковым:

... и сердце хладное страданью предала...

Это слова человека, не униженного всем этим, но как будто усталого, ко многому охладевшего. Но он же — «искатель новых впечатлений». Значит, главное не в «хладном сердце» и «потерянной младости»:

Я вас бежал, отчески края,
Я вас бежал, питомцы наслаждений,
Минутной младости минутные друзья!..

В том и вся сложность, что к «новым впечатлениям» бежать необыкновенно трудно, ведь это значило бежать от себя. Друзья — это верность прежде всего, честное и очень дорогое человеку слово. А те — питомцы наслаждений, они воспитаны наслаждением, в них изнеженность и потому временность, непостоянство. У минутной младости и друзья должны быть минутные... И он бежал их. Но бежать — не значит забыть. Нельзя совсем забыть тех, которые назывались друзьями, нельзя забыть «отчески края».

Возможно было и то, что забыть проще:

И вы, наперсницы порочных заблуждений,
Которым без любви я жертвовал собой,
Покою, славою, свободой и душой...

Они не стоят воспоминания, усилия памяти. Их легче забыть, но забыты ли они?

... И вы забыты мной... —

Слова не убеждают, это скорее желание забыть. И потому здесь обо всем без какого-либо смягчения, с той почти лермонтовской выразительностью лексических сочетаний, когда слово одно, само по себе, совсем не звучит, а в сочетании с другими, подобными ему, вдруг получает беспредельную выразительную силу:

Наперсницы порочных заблуждений...

Страшно не то, что было невысокое, оно уже отброшено и открылась возможность очищения, но была ненужная жертва невысокому, жертва тем, что всего дороже для лирического героя. Столько несоизмеримости и тревожного чувства в перечислении:

...покоем, славою, свободой и душой...

Чтобы убедить себя, что это уже прошло, настойчивое повторение:

Я вас бежал... И вы...

Я вас бежал... И вы...

В повторах узнается чувство, родственное тому, которое испытывает победивший себя человек, радость, которая не заявляет о себе.

А затем пауза, огромная, давно ожидаемая, и слова, подготовленные всем предыдущим:

...Но прежних сердца ран,

Глубоких ран любви, ничто не излечило...

Об этом думалось все время, это угадывалось с первых строк и говорило о себе сначала только в оттенках мысли и настроений, было скрыто в напряженных воспоминаниях — и было неясно самому лирическому герою. Теперь это сказано. Нужно преодолеть себя, решительно отбросить прошлое и взять с собой самое глубокое и лучшее, пусть оно — раны, пусть неизлечимое. Именно потому, что оно связано с неизлечимостью, оно необходимо, чтобы проверить себя, быть выше того, что минутно и необязательно. Потом и любовь, раны любви — не традиционное, романсовое представление, а нечто великое, возвышающее человека над временем, как полнота жизни и вечная тревога.

Так и последний повтор лейтмотива получает новый смысл. Предшествующие строки совсем открытые, в них недосказанность, та необходимая недоговоренность, которая сильнее и значительнее разъяснений. Нужен итог, и он в последних, лейтмотивных строках. К ним нет перехода, они прерывают лирическую исповедь и сказаны словно вполголоса. Шуми, волнуйся — потеряли свою повелительность: нельзя ни просить, ни приказывать, когда уверен, что не нужно, не хочешь ответа, что ничего не изменится.

Стихотворение «Погасло дневное светило» решает серьезный вопрос, который может возникнуть в жизни каждого человека. Возникает сомнение в правильности пути, по которому идешь, наступает время переоценки ценностей. В 20-е годы Пушкину и его современникам-декабристам предстояло решить этот самый важный для них вопрос.

Здесь решение истинно пушкинское, решение автора «Вакхической песни». Элегия «Погасло дневное светило» — это гимн человеку, побеждающему себя, и в этом внутреннем преодолении познающему противоречия жизни.

Нужно было решить не только как освободиться от прошлого, но и куда идти. Через романтические поэмы Пушкин придет к глубокому, гениальному решению этого вопроса в «Евгении Онегине». Поэт обратится тогда уже к красоте «простых вещей», красоте серого неба над Михайловском, что, казалось, совсем не похоже на стихи юных лет. Но не была ли сама романтическая лирика Пушкина началом познания красоты «простых вещей»? В элегии «Погасло дневное светило» лирический герой отказывается от всего внешнего, случайного, что было пустым и ложным в нем самом. Происходит внутреннее очищение, а с него начинается познание высокой нравственной красоты труда, подвижничества, человечности. А это и есть красота, красота «простых вещей» в самом человеке.

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
ПСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ имени С. М. КИРОВА
КАФЕДРА ЛИТЕРАТУРЫ

ПУШКИНСКИЙ СБОРНИК

ПСКОВ
1962